

лена вѣрой въ другую жизнь, которая достигается соблюденіемъ внѣшнихъ обрядовъ.

Другіе, не допуская возможности иной жизни кромѣ той, которую видятъ, отрицаютъ всякое чудо— все сверхъестественное—и прямо утверждаютъ, что жизнь человѣка есть не что иное, какъ его животное существованіе отъ рожденія до смерти. Таково ученіе книжниковъ, утверждающихъ, что въ жизни человѣка, какъ животнаго, нѣтъ ничего неразумнаго.

Разбору ученій „книжниковъ“ и „фарисеевъ“ графъ Толстой посвящаетъ цѣлыхъ три главы, поэтому необходимо уяснить себѣ, что онъ разумѣетъ подъ этими названіями.

Прежде всего бросается въ глаза, что графъ Толстой почти постоянно противопоставляетъ одно понятіе другому, тогда какъ въ писаніи слова книжникъ и фарисей почти всегда стоятъ рядомъ.

Подъ книжниками графъ Толстой разумѣетъ неразумныхъ послѣдователей „положительныхъ наукъ“, а подъ фарисеями неразумныхъ послѣдователей „положительныхъ религіозныхъ ученій“; какъ тѣ, такъ и другіе въ слѣпой погонѣ за буквой забываютъ, что живетъ только духъ, а буква мертва. Понятно, что въ Евангеліи не можетъ быть рѣчи о противоположеніи между книжниками и фарисеями, потому что источникъ, изъ котораго они хотятъ черпать, одинъ и тотъ же—писаніе.

Невѣрное направленіе знаній, избранное совре-